

— Приторно! — Нин Ли отложил палочки, и его брови сошлись у переносицы.

Он и сам любил сладкое, но, глядя на ломившийся от яств стол, понял, что больше не проглотит ни кусочка. Ну почему в этом Цзянье всё такое приторное?

Шинкованный угорь в кипящем масле, свиные копытца в соевом соусе, вяленый окорок в медовой глазури... Стоило протянуть руку, как от одного вида слюнки текли. Но на третий-четвертый укус... Нин Ли почувствовал себя мухой, увязшей в сиропе.

Заметив, как молодой хозяин капризно надул губы и бросил палочки, Яо Гуанье поспешил спросить:

— Что такое, молодой господин? Еда не пришлась по вкусу?

Ниннин сначала кивнул, а потом замотал головой:

— Да нет, вкусно, но почему здесь всё, решительно всё — сладкое?!

Немного отдохнув с дороги, он услышал от господина Яо, будто в поместье давно наняли знатного повара из Сучжоу. Тот прежде служил в Управлении императорской кухни, и его кулинарное мастерство превозносили до небес. Разумеется, Нин Ли захотелось отведать его стряпни.

И вот перед ним предстала эта картина.

И угорь хорош, и свинина нежна, и окорок отменный... Но всё вместе — сущая катастрофа.

Ниннин жалобно скривился:

— Господин Яо, неужели он больше ничего не умеет? Это же... ну невозможно сладко!

Повара по фамилии Линь, ожидавшего в кухонной пристройке, спешно вызвали слуги. По одному их тону он почуял неладное и, пока шел к главному дому, взмок от страха. Оказавшись перед хозяином и услышав расспросы, он разволновался настолько, что не мог выговорить и слова.

Нин Ли не знал, что мастер Линь заикается. Мягко попросив его не спешить, он терпеливо выслушал путанные объяснения.

Выяснилось, что бедный повар, желая выслужиться, приложил все усилия и приготовил свои лучшие, коронные блюда. Да только не подумал, что подавать их скопом, без баланса вкусов —

затея скверная. Приторность наслаивалась одна на другую, так что у Нин Ли заныли зубы.

Не желая наказывать простодушного беднягу, Нин Ли отпустил его взмахом руки.

«Ну и упрямец, — подумал он. — Сказали же ему приготовить фирменное, но мог бы хоть для приличия разбавить стол чем-то соленым или острым. Не может же вся сучжоуская кухня состоять из одного сахара!»

Вдруг послышался шелест крыльев, и на ладонь Нин Ли опустился малый сокол с белыми лапами.

Птица призывно заверещала, любопытно вертя головой и косясь на тарелки в явной надежде поживиться.

— И не думай! — Нин Ли тут же отверг притязания дерзкого пернатого. — Будь умницей, тебе такое нельзя.

Он с таким трудом выходил этого забавного соколенка. Если бедолага отравится приторной человеческой едой, плакать будет поздно.

Сokol забавно сощурил круглые бусины глаз, вытянул шею и легонько боднул его клювом в палец.

— Чирик-пик!

Нин Ли растаял от такой нежности и едва не поддался на птичье кокетство. Собрав остатки воли, он строго произнес:

— Кунжутная Паста, прекрати подлизываться. Я сказал «нет», значит «нет».

Обиженный соколенок пребольно клюнул его в ладонь, сердито захлопал крыльями и пулей вылетел из комнаты. Обычно он любил сидеть на сосновых веточках, стоявших в вазе на столе, но теперь даже они его не прельстили. Птица скрылась из виду, улетев неведомо куда.

Потирая укушенное запястье, Нин Ли процедил сквозь зубы:

— Кроха, а гонору-то сколько.

На дворе стояла стужа, кружили хлопья снега и завывал ледяной ветер — вряд ли этой малявке удастся найти себе добычу в такую погоду.

Впрочем, господин Яо по лицу молодого хозяина видел, что тот нисколько не сердится.

— Малыш у Вашего Высочества на редкость смысленый, — с улыбкой заметил старик. — Велите приготовить для него корма?

Нин Ли вопросительно посмотрел на слугу. Сяо Цзи тут же поклонился:

— Молодой господин, в кормушке всегда вдоволь бобов, проса и сорго. Он привык к этому зерну, так что голодным не останется.

Эта крохотная пташка отличалась отменным аппетитом. Но куда ее унесло сейчас — гадать было бессмысленно.

Соколенок был птицей умной. Как только проголодается, замерзнет или устанет, сам прилетит обратно. В конце концов, именно так он когда-то и свалился — по чистой случайности — прямо в каюту Нин Ли.

— Бог с ней, с Кунжутной Пастой, — вздохнул Нин Ли. — Я сейчас сам умру от этой сладости... Где мастер Гао, который готовит абрикосовые ракушки? Пусть немедленно сделает порцию и щедро зальет острым маслом. Мне срочно нужно перебить этот вкус.

Однако даже эта простая просьба заставила слуг замяться.

— Мастер Гао отпросился в город, неужели Ваше Высочество забыли? — напомнил Яо Гуанье.
— Он ушел навестить родственников.

И то была правда — повар предупредил Нин Ли еще утром.

— Ну а острый соус-то у них найдется? — уныло вздохнул юноша. — Пусть мастер Линь отварит мне чашку простой лапши с зеленью. С этим-то он справится?

Слава предкам, дело нехитрое. Вскоре перед ним исходила паром миска свежей пшеничной лапши. Сдобренная фирменным чесночно-перечным маслом, она наконец позволила Нин Ли нормально поесть.

Ближе к вечеру вернулся мастер Гао. До родни он так и не добрался, зато принес ошеломительную новость: совершенно покушение на Его Величество, столица на осадном положении. В Цзянь теперь никого не впускают и не выпускают. Повару ничего не оставалось, кроме как потоптаться у закрытых ворот и повернуть назад.

— Что?! — округлил глаза Нин Ли. — На Старого императора напали?!

— Именно так, — сурово подтвердил Яо Гуанъе. — Мы живем за городом, на холме, вести доходят с опозданием. Потому узнали только сейчас.

Нин Ли так и брякнул, не подумав:

— Надо же, неужели только сейчас?

Господин Яо аж подпрыгнул на месте:

— Ваше Высочество, держите язык за зубами!

— Ой! — Нин Ли спохватился и поспешно прикусил язык. Хоть он и вырос на вольных окраинах, где до трона дела никому не было, все же понимал, за какие речи можно лишиться головы.

К счастью, в зале не было никого, кроме них двоих — юного господина и старого слуги.

Обычно подслеповатые глаза господина Яо сейчас остро блеснули. Он тревожно огляделся по сторонам, опасаясь, как бы какой-нибудь соглядатай не притаился под окнами. Взглянув на беспечное лицо Нин Ли, старик мысленно перекрестился: благо он заранее отослал прислугу, иначе беды не миновать.

Судя по выражению лица наследника, тот... искренне сожалел.

О чем именно жалел его подопечный, Яо Гуанъе боялся даже представить. Будь у него дар читать мысли, у него, верно, разорвалось бы сердце от ужаса.

Нин Ли помалкивал, но мысли в его голове неслись галопом.

«Да этот старый хрыч только и делал, что пил кровь из народа. Погряз в разврате, забросил дела, только дворцы себе строил. Туда ему и дорога! Наш народ слишком терпелив, раз терпел этого деспота столько лет».

Он и прежде слышал немало историй о безумных чудачествах правителя Великой Юн. Любой его указ заслуживал доброго ведра помоев на императорскую голову. То, что этот сластолюбец вообще дожил до сегодняшнего дня, само по себе казалось чудом.

— И как всё прошло? — спросил юноша.

Яо Гуанье покосился на него с подозрением: в голосе юноши сквозило вовсе не сочувствие, а скорее азартное любопытство. Тем не менее старик ответил:

— По слухам, ранен тяжело, прикован к постели. Придворные лекари обступили его ложе плотным кольцом.

Нин Ли просиял и чуть было не хлопнул в ладоши. Поняв, что его догадка верна, Яо Гуанье поспешил предостеречь:

— Ваше Высочество! Мы в Цзянье, а не в Шачжоу!

«Тяжело ранен? Да это же прекрасная новость!» — едва не сорвалось с языка юноши. Под строгим взглядом старика он вовремя проглотил эти слова.

Изобразив на лице полнейшую покорность, он заверил:

— Я все понимаю, господин Яо.

Поди разбери, искренне он это говорит или притворяется. Старик еще раз окинул комнату взглядом и, убедившись, что даже муха не подслушивает, придвинулся ближе и прошептал:

— В мыслях радуйтесь сколько угодно, но вслух — ни слова!

— Да-да, конечно. Я же не глупый.

— В столице теперь начнется смута... — нахмурился Яо Гуанье.

Что за безумец отважился на такое святотатство? И если бы император испустил дух, кому это было бы выгоднее всего? Князя Хань и Чэнь мертвы, князь Ци отправлен в изгнание, но во дворце остаются Верховный император и князь Вэй. Если подумать, круг подозреваемых не так уж широк.

Видя, что юноше нет дела до придворной грызни, старик не стал развивать мысль, а заговорил о насущном:

— Ваше Высочество, вы уже отправили в канцелярию докладную записку о прибытии?

Нин Ли захлопал ресницами:

— Какую записку?

Яо Гуанье все понял без слов. На его лбу прорезалась глубокая складка:

— Моя оплошность... Вы прибыли в столицу по высочайшему указу. По правилам, надлежит немедленно подать прошение о приеме. Впрочем, сейчас спешить не стоит. Город закрыт, повсюду стража, во дворце паника. Пробыться со своей бумагой сейчас будет непросто.

— Вот и отлично, — обрадовался Нин Ли. — Зачем вообще напоминать о себе? Пусть лучше забудет, разве плохо?

Старик покачал головой, не зная, плакать ему или смеяться:

— Так вот почему мы тащились сюда целых три месяца?

Нин Ли слегка смутился и промолчал.

К учебе он никогда не питал страсти, серьезных трактатов не читал, зато дешевых романов с рыночных развалов проглотил великое множество. На основе этих сомнительных трудов у него сложилось собственное, весьма стройное представление о государственной политике.

Клан Нин правил Шачжоу из поколения в поколение. Далекие от престола земли подчинялись им беспрекословно, превратив князей в настоящих самодержцев на своей земле. Местный люд чтил только господина Нина, а до владыки, восседавшего за тысячи ли от них, им не было никакого дела. К тому же его отец правил мудро, судил справедливо и заслужил искреннюю любовь народа — Нин Ли видел это собственными глазами.

Говоря начистоту, спроси любого в Шачжоу, кто им милее — их князь или император, девять из десяти без колебаний выбрали бы первого, да еще и сплюнули бы в сторону столицы.

Но именно такая преданность и вызывала у престола лютую зависть и страх.

Вдобавок Шачжоу лежал на Великом шелковом пути. Всякий, кто шел на запад через заставу Нефритовых Ворот, неизбежно проезжал эти земли. Торговля кипела, золото текло рекой. А еще у отца имелась многотысячная армия и отборная тяжелая конница, способная сокрушить любого врага.

Проще говоря, у клана Нин было все: люди, деньги, оружие. В глазах императора такой подданный — кость в горле.

Вот его, единственного наследника, и вызвали в Цзянь, чтобы держать в качестве заложника.

Нин Ли находил свои рассуждения безупречными. Единственная загвоздка заключалась в том, что его отец никогда не стремился к войне и не замыслил смуты.

Но мнительный тиран на троне в такое ни за что бы не поверил.

— Эх, Ваше Высочество, — вздохнул Яо Гуанье. — Ладно этот раз, но впредь прошу вас, будьте осмотрительнее.

Нин Ли соорудил самую невинную мину:

— Но я же приехал, господин Яо! Не волнуйтесь, я прекрасно знаю, что делать.

Из него выйдет образцовый заложник. Он будет пировать, заводить интрижки, тратить деньги на ветер и прослывет бездельником, чтобы у императора даже мысли не возникло увидеть в нем угрозу.

Видя, как горячо уверяет его воспитанник, Яо Гуанье решил, что тот наконец взялся за ум. Старое сердце преисполнилось гордости. Посмотрев на юношу с отеческой нежностью, он кивнул:

— Вы действительно повзрослели, молодой господин.

За окном медленно падали снежинки, на столе дымился горячий чай с молочной пенкой.

— Эх, — вздохнул Нин Ли, подперев подбородок рукой и сделав крошечный глоток. — Как же хочется домой, в Шачжоу.

— Потерпите три года, и вернетесь, — подбодрил его Яо Гуанье.

У юноши от этих слов потемнело в глазах.

— Три года! Целых три долгих года!

Перед отъездом отец предупреждал его об этом сроке. Нин Ли знал, что если ничего не случится, ему придется провести в столице три года. Но одно дело — знать, и совсем другое — проживать это день за днем.

Он еще даже в город не вошел, а будущее уже казалось беспросветным и серым.

Тоскливо вздохнув, Нин Ли решил выкинуть мрачные мысли из головы и заняться чем-нибудь приятным.

— Господин Яо, где здесь ближайшая почтовая станция? Хочу отправить отцу ветви сливы.

«Сливу?» — удивился про себя старик, но вслух ответил:

— Ближайшая в самом Цзянье, но туда сейчас не проехать. Придется возвращаться по тракту, которым мы прибыли.

Юноша задумался:

— На берегу реки Чушуй, у почтового тракта? Кажется, мы проезжали мимо, когда нам советовали там остановиться.

— Верно, — кивнул старик.

— Тогда нечего тянуть, — решил Нин Ли. — Поеду прямо сейчас.

Яо Гуанье не ожидал от него такой прыти и попытался урезонить:

— Ваше Высочество, на улице стужа, метель разыгралась!

Нин Ли задорно рассмеялся:

— Неужели господин Яо сомневается в моем умении держаться в седле?

Поднимаясь в усадьбу, юноша ехал в крытом экипаже. Со стороны он казался изнеженным барчуком, не привыкшим к тяготам походной жизни, но старый слуга отлично знал, что в седле тот держится как влитой. И все же за пределами дома бушевала непогода, горные тропы обледенели — скакать по ним вслепую было безумием.

— Дождались бы вы, пока утихнет буря, Ваше Высочество.

Нин Ли упрямо покачал головой:

— Кто знает, когда утихнет этот снегопад, а цветы завянут через пару дней. Если я стану откладывать поездку изо дня в день в ожидании ясного неба, отправлять будет уже нечего.

— Срежете новые, делов-то, — возразил старик.

— Это совсем не то! — замотал головой юноша. — Другие цветы не будут теми самыми, что я выбрал для отца сегодня.

В действительности им двигало иное чувство. Ветка алой сливы, которую подарил прекрасный сосед, была столь великолепна, что Нин Ли страстно желал поделиться этой красотой с отцом. Белые цветы можно было сорвать снова, но красная... красная ветвь была у него лишь одна.

— Принесите тушь и кисть, — распорядился он.

Разгладив на столе лист тончайшей рисовой бумаги, Нин Ли обмакнул кисть и вывел аккуратные иероглифы: «Почтенному отцу». Но на этом мысль застопорилась.

О дорожных забавах он уже исписал горы писем, и составить еще одно не составило бы труда. Достаточно было набросать пару страниц и отдать гонцу. Однако сейчас, занеся руку над бумагой, он почему-то вспомнил чистый, звучный голос, донесшийся из-за забора сквозь цветущие ветви. Тот голос, глубокий и прохладный, точно весенний родник, звенел благородной строгостью.

Сердце дрогнуло, и кисть сама скользнула по бумаге, рождая строчки.

Закончив, Нин Ли бережно подул на влажные чернила, сложил лист и запечатал в конверт.

— Готово. Едем.

Он никогда не откладывал задуманное. Маленький наследник клана Нин вырос в неге и обожании, никто не смел перечить его прихотям. Если он чего-то желал, то шел до конца и непременно получал свое.

Какая-то зимняя метель не могла стать ему преградой.

Заметив, что Нин Ли уже стремительно направляется к выходу, Яо Гуанье крикнул вдогонку:

— Возьмите с собой охрану! Одному ехать нельзя!

За долгие месяцы пути Нин Ли привык, что его повсюду сопровождают верные воины. Скользнув взглядом по стоящим у дверей стражникам, он выбрал одного. Тот бесшумно шагнул вперед, готовый повиноваться. Собрать остальных личных слуг не составило труда, и вскоре кавалькада всадников во главе с наследником во весь опор помчалась к почтовой станции.

На заснеженном берегу реки Чушуй, у самого тракта, ютилась неприметная почтовая станция. Местный смотритель, привыкший к унылым чиновникам и усталым гонцам, не поверил своим глазам, когда в двери вошел изысканно одетый, ослепительно красивый юноша.

Молодой господин казался хрупким, точно вырезанная из нефрита статуэтка, но его первая же просьба повергла всех в оцепенение.

— Срочная почта «Восемьсот ли» ради отправки корытца с цветами?

Смотритель подумал было, что над ним издеваются, но, столкнувшись с абсолютно серьезным взглядом ясных глаз, понял: юноша не шутит. Почтмейстер испуганно замахал руками:

— Помилуйте, господин! Срочная почта «Восемьсот ли» предназначена исключительно для военных донесений государственной важности. Доставить в таком порядке этот деревянный ларец... Да нас за это казнят на месте!

Нин Ли разочарованно вздохнул:

— Совсем нельзя?

Смотритель подивился наивности знатного гостя — видать, вырос под крылышком у любящих родителей и жизни не нюхал. Не зная, кто перед ним, но опасаясь навлечь на себя гнев влиятельного клана, он принялся терпеливо объяснять:

— Обычные указы развозят со скоростью сто восемьдесят ли в день. Для срочных дел предусмотрена гоньба на четыреста или шестьсот ли. А «Восемьсот ли» — это на случай войны, набегов кочевников или мятежа на границе. Как думаете, молодой барин, ваше послание сравнится с гибелью империи?

Почтмейстер очень боялся, что капризный юнец закатит истерику, как это не раз бывало с высокородными недорослями. К его удивлению, Нин Ли согласно кивнул:

— Действительно, не сравнится.

«Надо же, какой благоразумный юноша», — успел подумать смотритель, пока гость не добавил:

— Ну, тогда отправим со срочностью «Шестьсот ли».

Смотритель лишился дара речи.

— Э-э... «Шестьсот ли»... — протянул он.

Нин Ли и не подозревал о строгих правилах императорской почты. Поняв, что затребовал слишком многого, он великодушно уступил шаг.

Однако почтмейстер все равно покачал головой:

— Господин, этот тариф тоже предназначен для важных депеш, а не для личных посылок.

В его голосе, однако, слышались робкие нотки сомнения. Нин Ли мгновенно уловил перемену настроения.

— А если я щедро заплачу за хлопоты? — прищурился он.

Смотритель сглотнул. Деньги — дело хорошее, но риск... Стоит ли шкура выделки?

Сколько может предложить этот мальчишка? Даже гоньба на шестьсот ли требует смены лошадей на десятках застав и взятки местным чинушам. Обычной горсти серебра тут явно не хватит.

— Не положено, — твердо произнес смотритель, собираясь окончательно выпроводить гостя.

Нин Ли незаметно кивнул слуге. Круглолицый Сяо Цзи с широкой улыбкой шагнул вперед, держа в руках изящную шкатулку, обшитую парчой.

Заметив, что смотритель открыл рот для отказа, Нин Ли мягко перебил его:

— Почтенный, не спешите. Взгляните сначала на содержимое.

Любопытность пересилила страх. Почтмейстер несмело приоткрыл крышку — и зажмурился от нестерпимого блеска. Внутри, тесно прижавшись друг к другу, сияли безупречно круглые золотые жемчужины. Шкатулка была набита ими доверху! Теперь понятно, почему она оказалась столь тяжелой.

— Этого хватит? — небрежно поинтересовался Нин Ли. — Если мало, я велю принести еще.

— Хватит! С лихвой хватит! — затараторил смотритель, судорожно прижимая сокровище к груди. — Тут даже останется!

Ответив на автомате, он лишь мгновение спустя осознал слова гостя: «если мало, принесу еще». Внутри шевельнулась жадность — эх, продешевил, надо было поторговаться! Но, прикинув вес золота, смотритель успокоился. Этого богатства ему хватит на безбедную старость.

«Видно, сынок какого-то безумно богатого вельможи, — подумал почтмейстер. — Вырос в теплице, деньгам счета не знает. Знал бы его отец, на какую глупость чадо тратит семейную казну, шкуру бы спустил».

Впрочем, чужие беды его не касались. Главное — дело сделать.

Бережно спрятав парчовую шкатулку, смотритель принял из рук слуги простой деревянный ящичек.

— Значит, отправить нужно это? — уточнил он. — Будьте любезны, назовите характер груза для записи в реестр.

Самым ценным в ящичке были две веточки сливы, но говорить об этом вслух Нин Ли постеснялся.

Юноша на миг задумался, и на его щеках проступили очаровательные ямочки. Взгляд его потеплел, наполнившись нежностью:

— Напишите: «письмо к отцу».

— Ах, сыновний долг! — слащаво запел почтмейстер. Получив щедрую мзду, он готов был превозносить гостя до небес. — Похвальное рвение!

Приняв ящичек с величайшим благоговением, он спросил:

— Куда изволите доставить?

— В Шачжоу, — легко слетело с губ Нин Ли. — В поместье князя Нина.

— В поместье князя Нина... — послушно повторил смотритель. И тут до него дошел смысл сказанного.

Он уставился на стоявшего перед ним юношу, чувствуя, как подкашиваются колени.

Вот откуда такая сказочная щедрость! Перед ним стоял... сам наследный принц Нин!

Нин Ли с искренним любопытством уставился на побледневшего смотрителя:

— Что-то не так?

— Все так! — запинаясь, выговорил тот. — Все в лучшем виде доставим, Ваше Высочество!

Гоньба на шестьсот ли, конечно, уступала военной почте, но для его затеи вполне годилась.

Даже если цветы увянут в пути, ларец сохранит их тонкий, весенний аромат.

Нин Ли чувствовал себя окрыленным: очень скоро отец получит весточку из далекой столицы. Настроение поднялось, и юноша поспешил к выходу, предвкушая обратную дорогу.

Но стоило ему спуститься по ступеням крыльца во двор, как из дальнего угла донесся издевательский смешок.

В этом смехе сквозило такое презрение и чванство, что Нин Ли невольно поморщился.

«Что за наглец пожаловал? — подумал он. — Я, наследник великого клана, и то не позволяю себе подобного тона».

Связываться со столичными грубиянами не хотелось. Нин Ли ускорил шаг, намереваясь пройти мимо, но незнакомец намеренно повысил голос:

— Надо же, отправить обычную писульку со скоростью шестьсот ли! Какое расточительство! Сразу видно, пожаловали дикари с окраин империи. Ну и замашки!

Нин Ли опешил. Он никак не ожидал, что эта тирада адресована ему.

— Что, недоволен? — продолжал глумиться невидимый критик, выходя из тени. — На моей памяти почту «Восемьсот ли» поднимали лишь раз, когда полчища Западного Фаня рвались к Дафэйчуань. А тут какому-то недоноску приспичило черкнуть пару строк папеньке! С какой стати ради твоей прихоти должны загонять казенных лошадей?

Нин Ли промолчал.

Слова незнакомца задели его за живое. Он и сам понимал, что подкупать зрителя золотом — поступок сомнительный. Но тоска по дому измучила его, а в Шачжоу иным путем весть было не передать. Он рассчитывал проверить все тихо, без лишних свидетелей, но этот крикливый павлин испортил весь замысел.

Пока он подбирал слова, наглец продолжал распыляться:

— Я разве в чем-то не прав? Великий князь Нин всю жизнь провел в походах, спал на голой земле и делил с воинами последний кусок хлеба. А его сынок, не успев ступить на столичный тракт, швыряет золото направо и налево! Какое позорище. Знал бы отец, какое ничтожество вырастил, сгорел бы от стыда!

Нин Ли резко остановился и обернулся.

Посреди двора стоял молодой щеголь в роскошном шелковом халате, расшитом золотыми нитями, с драгоценной шпилькой в волосах и поясом, усыпанным нефритом. Лицо его было смазливym, но спесь и злоба портили всю красоту.

Встретившись с ним взглядом, столичный франт злорадно ухмыльнулся:

— Что вылупился? Правда глаза колет?

Он окинул Нин Ли презрительным взглядом, и, не дождавшись ответа, расхохотался:

— Надо же, а наш наследник еще и немой! Отец — гроза степей, а породил трусливого зайца!

Это было уже прямое оскорбление.

Нин Ли не успел и рта открыть, как вперед выступил разгневанный Сяо Цзи.

— Наш молодой господин умен и благороден, — звонко отчеканил слуга. — Не то что некоторые. Нацепил шелка, а воспитания — как у базарного зазывалы. Ходишь тут, так и норовишь клюннуть, точно петух плешивый!

Щеголь побагровел от ярости:

— Ты на кого пасть разинул, смерд?!

— На того, кто громче всех лает, — не растерялся Сяо Цзи. — Кто лезет не в свое дело, про того и сказ. Что, задело за живое?

Юноша в парче смерил слугу ледяным взглядом и перевел взор на его хозяина:

— Что, наследник Нин, твои цепные псы лают на благородных господ, а ты помалкиваешь? Неужели в вашем захолустье не знают, что такое приличие?

Нин Ли задумчиво протянул «о-о» и кивнул:

— Твоя правда. Сяо Цзи, тебе действительно не следовало открывать рот.

Слуга растерянно захлопал глазами, на его лице отразилась горькая обида.

Столичный щеголь победоносно усмехнулся, задрав подбородок.

Однако Нин Ли с самым невозмутимым видом продолжил поучать слугу:

— Если бродячий пес лает тебе в спину, глупо лаять ему в ответ. Зачем опускаться до его уровня и тратить слова на глупую псину?

Обида Сяо Цзи мгновенно испарилась, и он прыснул со смеху:

— Молодой господин абсолютно прав!

Франт задохнулся от гнева:

— Ты кого псиной назвал?!

Нин Ли мягко улыбнулся:

— Кто лает без умолку, тот и пес.

Он не называл имен, но намек был настолько прозрачным, что все присутствующие невольно заулыбались. Лицо щеголя налилось пунцовой краской. Промолчать — значит стерпеть неслыханное унижение. Начать спорить — признать себя той самой бешеной собакой.

Разбалованный сынок высокородного семейства, привыкший к тому, что все пресмыкаются перед ним, никогда в жизни не сталкивался с подобным отпором. Его кулаки под широкими рукавами сжались до хруста, а в глазах вспыхнул опасный огонек. Но вдруг он затих, и на его губах появилась зловещая усмешка.

Нин Ли внутренне напрягся. Дело принимало дурной оборот.

Едва в его душе шевельнулось предчувствие беды, как воздух со свистом рассекла смертоносная дуга.

Золотая вспышка метнулась прямо к его лицу — быстрая, точно молния. Но прежде чем она достигла цели, раздался звонкий металлический удар.

С тихим стуком снаряд упал на землю, а охранник Нин Ли плавным, едва уловимым движением вернул длинный клинок в ножны.

Воин, только что стоявший за спиной наследника, в мгновение ока заслонил его собой. Нин Ли опустил взгляд. У самых его ног лежала крошечная плоская фигурка Золотой жабы.

Игрушка была аккуратно разрублена надвое, а на срезах зловеще поблескивала темно-синяя

влага. Сомнений не оставалось — оружие было смазано смертоносным ядом.

Перепуганный до смерти Сяо Цзи, убедившись, что хозяин цел и невредим, грозно упер руки в бока:

— Ах ты подлец! В споре не совладал, так за оружие взялся? Из-под тишка ядом бьешь! Теперь-то мы знаем, каковы столичные нравы. Век не забудем!

Лицо нападавшего исказила судорога стыда. Он поддался порыву злости, рассчитывая одним ударом проучить наглеца, но не ожидал, что у того окажется столь умелый телохранитель. Окружающие принялись перешептываться, награждая его презрительными взглядами.

Нападать исподтишка на безоружного всегда считалось несмываемым позором среди мастеров боевых искусств.

Пытаясь спасти остатки лица, щеголь вызывающе бросил:

— Языком чесать ты горазд, а сам без своей ищейки и шагу ступить не можешь! Тоже мне, наследник славного рода, прячется за чужие спины!

Нин Ли удивленно моргнул:

— Ты...

— Что «ты»? Язык проглотил, стоило пригрозить кулаком?

Нин Ли искренне недоумевал:

— Так ты, получается, драться со мной хочешь?

— А хотя бы и так! — воскликнул щеголь, решив, что вернул преимущество. — Думаешь, я тебя испугаюсь? Да знаешь ли ты, чьих я кровей? Запомни хорошенько: я — двоюродный брат самого императора!

Юноша понимающе кивнул:

— Ах, вот оно что...

Теперь всё встало на свои места.

Одного поля ягоды со своим безумным братом на троне. Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает.

Заметив перемену в лице соперника, щеголь окончательно осмелел:

— Ну что, съел? И что мне сделает твой хваленый титул? Попробуй только тронь меня!

Нин Ли смерил его задумчивым взглядом и мягко произнес:

— Раз так, я могу быть спокоен.

«Спокоен за что?!» — пронеслось в голове столичного гостя.

Он замер, с любопытством и некоторой опаской наблюдая, как Нин Ли спокойно обходит своего стражника и легким шагом приближается к нему.

Франт не двигался с места, продолжая высокомерно ухмыляться, пока Нин Ли не подошел к нему вплотную.

Только тогда нападавший заподозрил неладное и выдавил:

— Ты чего задумал...

Договорить он не успел. В челюсть ему прилетел аккуратный, но сокрушительный кулак, увернуться от которого было решительно невозможно.

— А бью я именно тебя!

<http://bllate.org/book/20087/2001845>